

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

1900.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРѢХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1901.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

287. Н. Иностранцевъ, Хунь-ну и Гунны. (Библиографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунь-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ). С.-Петербургъ, 1900 (отдѣльные оттиски изъ «Живой Старины»). 78 стр. 8°.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что настоящій трудъ есть «извлеченіе, съ нѣкоторыми дополненіями, изъ студенческой работы на ту же тему». Этотъ студенческой трудъ, какъ видно изъ печатнаго университетскаго отчета за 1898 г., былъ удостоенъ факультетомъ восточныхъ языковъ золотой медали, причемъ рецензентомъ труда тогда же было высказано желаніе «видѣть эту работу напечатанною на средства университета»¹⁾. Осторожный авторъ предполагалъ «напечатать эту работу черезъ нѣсколько лѣтъ», но потомъ, когда его занятія «обратились въ область, имѣющую очень мало общаго съ древнѣйшей этнографіей средней и сѣверо-восточной Азіи», рѣшилъ ограничиться напечатаніемъ той части работы, которая заключала въ себѣ «библиографическій обзоръ» литературы предмета. По справедливому мнѣнію автора, «въ наукѣ бываютъ иногда вопросы, литература о которыхъ настолько обширна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько запутана и разбросана, что является время отъ времени необходимость привести въ порядокъ всѣ высказанныя мнѣнія и оцѣнить ихъ значеніе». Исполненіе этой задачи кажется ему особенно своевременнымъ теперь, когда работы проф. Хирта слова возбудили интересъ къ «гуннскому вопросу».

1) Годичный актъ Имп. С.-Петербургскаго университета 8 февраля 1899 г., стр. 188.
Записка Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XIII.

Авторъ въ первой главѣ выдѣляетъ въ особую категорію ученыхъ, занимавшихся только выясненіемъ исторіи кочевниковъ и совершенно уклонившихся отъ разрѣшенія вопроса о происхожденіи того или другого народа. Въ слѣдующихъ главахъ разбираются важнѣйшія теоріи: 1) теорія монголизма хунь-ну и гунновъ; 2) теорія турчизма хунь-ну и финнизма гунновъ; 3) теорія финнизма хунь-ну и гунновъ; 4) «теорія относительно отдѣльныхъ частей вопроса», т. е. главнымъ образомъ теорія славянства и теорія турчизма гунновъ. Относительно теоріи монголизма, первой по времени (создателемъ ея авторъ признаетъ Палласа), авторъ замѣчаетъ, что она еще не можетъ считаться «сданной въ архивъ», такъ какъ и до сихъ поръ «ея вліяніе бываетъ замѣтно и въ строго-научныхъ трудахъ, и въ популярно-научной литературѣ, и въ простыхъ учебникахъ» (стр. 36). Представители второй теоріи, наиболее рѣзко отвергающей первую, по мнѣнію автора, «внесли въ свою работу больше порядка, больше системы», хотя также нерѣдко высказывали «смѣлыя и недоказанныя» положенія (стр. 52 — 53). Третью теорію, возникшую почти одновременно со второй (въ 20-хъ годахъ нашего вѣка), авторъ считаетъ теоріей «примиренія»: утвержденіемъ тождества хунь-ну и гунновъ она примыкаетъ къ первой, положеніемъ о «финнизмѣ» гунновъ — ко второй. Въ отлччіе отъ представителей первой теоріи сторонники третьей не ограничались голословнымъ утвержденіемъ тождества хунь-ну и гунновъ, но старались доказать его, что, по мнѣнію автора, является одной изъ ихъ главныхъ заслугъ (стр. 63). Происхожденіе славянской теоріи авторъ объясняетъ незнакомствомъ ея представителей съ литературой предмета, особенно съ исторіей востока (стр. 68); съ другой стороны онъ справедливо придаетъ важное значеніе теоріи турчизма гунновъ, имѣющей теперь наибольшее число сторонниковъ среди специалистовъ: «Они основываютъ свои выводы не столько на отдѣльныхъ фактахъ, на толкованіи собственныхъ именъ, сколько на общихъ соображеніяхъ по поводу историческаго хода событій и группировки племенъ. Такая точка зрѣнія имѣетъ многое за себя и, по нашему мнѣнію, характеризуетъ дальнѣйшее движеніе впередъ» (стр. 71). Все-таки вопросъ о составѣ главной массы народа гунновъ кажется автору до сихъ поръ нерѣшеннымъ.

Таковъ, въ главныхъ чертахъ, ходъ работы молодого ученаго, въ которой нельзя не отмѣтить рѣдкое въ начинающемъ ученомъ умѣніе систематизировать факты; съ этой стороны особеннаго вниманія заслуживаетъ исключеніе Дегиля изъ числа сторонниковъ теоріи монголизма и выдѣленіе въ особую категорію представителей «политической классификаціи». Взгляда автора на роль и будущность этой классификаціи мы не вполне раздѣляемъ. Авторъ считаетъ вполне естественнымъ, что Дегилю въ то время, когда

«не существовало никакой истории, кроме политической, не было ни этнографии, ни лингвистики» (стр. 9), уклонился от разрешения этнографических вопросов, но удивляется, что так же поступил новейший историк Средней Азии, Каёв¹⁾ (L. Cahun). Однако собственный труд автора является красноречивым ответом на вопрос, много ли способствуют этнография и лингвистика, при современном состоянии этих наук, выяснению вопросов о происхождении народов, особенно среднеазиатских кочевников, быть которых, независимо от происхождения, слагался под «сравнительно равным влиянием степи» (стр. 16), а язык нам совершенно неизвестен, за исключением нескольких слов и имен, поддающихся, при желании, толкованию из самых различных языков. Для историка было бы очень важно разрешить вопросы, были ли все кочевники, о которых говорят классические писатели, арийцами или среди них можно предполагать также урало-алтайцев; на каких языках говорили народы, упоминаемые китайцами, и где была первоначальная родина отдельных групп урало-алтайской семьи. Но все попытки разрешить эти вопросы остаются более чем шаткими; на более твердую почву переносить нас только такие счастливые, к сожалению слишком редкие открытия, как открытие орхонских надписей. Тщательное исследование материала, заключающегося в надписях, и осторожное сопоставление добытых результатов с известиями о предшествующих и последующих веках, может быть, привести нас к более прочным результатам; но пока эта работа не сделана, историк не только не может, но в большинстве случаев, как нам кажется, даже должно при изложении истории таких кочевых народов оставлять нерешенным вопрос о их происхождении, отмечая однако все известия о их быте, физическом типе, языке и особенно слова современников о сходстве тех или других языков. Так, напр. если арабы, замечавшие близкое сходство между отдельными тюркскими наречиями²⁾ (тугузгузским, киргизским, кимакским, гузским и карлукским), в то же время отрицают сходство между ними и языком хазар³⁾ (те же авторы⁴⁾ сближают хазарский язык с болгарским), то этот факт в наших глазах имеет гораздо больше значения, чем толкование дошедших до нас хазарских слов, и показывает, что язык хазар или не был тюрк-

1) Сочинение этого историка вышло не в 1895 г., как пишет г. Иностранцев (стр. 9 и 75), а в 1896. Неверная дата также приведена в моей рецензии на книгу Каёна (Журн. Мин. Нар. Просв. 1896 г., июнь).

2) Bibl. Geogr. Arab. II, 14, l. 4—5.

3) Ibid. I, 222; II, 281.

4) Ibid. I, 225; II, 285.

скимъ, или, подобно языку вынѣшнихъ чувашей, существенно отличался отъ остальныхъ тюркскихъ нарѣчій. Ошибку покойнаго Каёна мы видимъ только въ томъ, что онъ, отказавшись отъ рѣшенія этнографическихъ вопросовъ, всетаки въ еще большей степени, чѣмъ сторонники этнографическихъ классификацій, пользовался для своихъ цѣлей фантастическимъ словопроизводствомъ и народными этимологіями.

Что касается полноты «библіографическаго обзора», то въ этомъ отношеніи мы можемъ сдѣлать автору только очень немного замѣчаній. Взгляды Томашека приводятся по статьѣ этого ученаго, помѣщенной въ *Zeitschrift für die oesterr. Gymnasien*¹⁾ за 1877 г.; автору, повидимому, осталось неизвѣстнымъ, что Томашекъ подробнѣе говоритъ о хунь-ну и гунахъ въ первой части своей статьи «*Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden*» (*Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akad. der Wiss.*, B. CXVI, Wien 1888, S. 759—761), гдѣ сблизилъ хунь-ну съ аримасами Геродота и съ фунами Страбона. Подобно С.-Мартену (см. въ трудѣ г. Иностранцева стр. 54) Томашекъ указываетъ на чередованіе звуковъ *x* и *φ*, хотя, конечно, не дѣлаегь отсюда вывода въ пользу финнизма хунь-ну. По его мнѣнію хунь-ну были или тюрками, или выходцами изъ Амурскаго края, или подъ этимъ названіемъ соединились разноплеменные народы. Если названіе гуновъ—тюркское, то его можно производить отъ глагола *өн*, *өнä* (чит. оң?) «увеличиваться, вырастать». Среди европейскихъ гуновъ господствующимъ народомъ были во всякомъ случаѣ тюрки, какъ показываютъ ихъ имена, напр. *Δεγγύζιχ* = *dengiz-igh* «*fatus maris, auster*» (?). Теоріи Томашека могутъ служить доказательствомъ, что и для современныхъ ученыхъ, даже для самыхъ выдающихся, еще не миновало время безплоднаго словопроизводства. Кромѣ того авторъ не упоминаетъ о трудѣ сиволога Паркера «*A thousand years of the Tartars*» (Lond. 1895). Паркеръ, подобно Каёну, отказывается отъ рѣшенія этнографическихъ вопросовъ, даже отъ рѣшенія вопроса объ этимологическомъ родствѣ названій хунь-ну и гуновъ; на основаніи близкаго сходства обычаевъ геродотовскихъ скивовъ, китайскихъ хунь-пу и европейскихъ гуновъ онъ рѣшается предполагать «нѣкоторую этнографическую связь» между этими народами, но не опредѣляетъ степени близости этой связи. Къ сожалѣнію эта осторожность не удержала г. Паркера отъ фантастическаго толкованія именъ и титуловъ, дошедшихъ до насъ въ китайской транскрипціи.

Какъ сводъ высказанныхъ до сихъ поръ мнѣній о хунь-ну и гунахъ,

1) Названіе этого журнала у г. Иностранцева (стр. 69 и 76) приведено не вполне точно.

работа г-на Иностранцева несомненно удовлетворяет своему назначению; этому способствует также приложенный къ статье «указатель главнѣйшихъ изслѣдованій по гуннскому вопросу». Какъ первый трудъ молодого ученаго, работа, какъ намъ кажется, будетъ встрѣчена съ радостью каждымъ, кто интересуется успѣхами исторіи востока, даже если будетъ замѣчена нѣкоторая невыработанность научныхъ приѣмовъ автора. Умѣніе приводить въ систему разнородный матеріалъ — едва ли не самое необходимое качество для современнаго ученаго, и этимъ качествомъ г. Иностранцевъ обладаетъ въ рѣдкой степени. Позволяемъ себѣ выразить новому товарищу въ дѣлѣ изслѣдованія исторіи востока свой искренній привѣтъ и искреннее пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ.

В. Б.

288. Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго Клуба Любителей Археологіи. Годъ пятый (11 декабря 1899 года — 11 декабря 1900 года). Ташкентъ. 1900. 72 стр. 8°.

На страницахъ Зап. Вост. Отд. не разъ были отмѣчены плодотворные труды Туркестанскаго Клуба, который уже въ первые годы своей дѣятельности успѣлъ обратить на себя вниманіе специалистовъ. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены протоколы двухъ засѣданій и въ приложеніяхъ къ нимъ слѣдующія статьи: 1) В. Каллауръ, Древніе города Саганакъ (Сунакъ), Ашнасъ или Эшнасъ (Асанасъ) и другіе въ Перовскомъ уѣздѣ, разрушенные Чингисъ-Ханомъ въ 1219 году (съ приложеніемъ плана крѣпости Саганакъ или Сунакъ и плана сохранившагося въ древнемъ городѣ кирпичнаго зданія); 2) Свѣдѣнія о гор. Сунакъ (на сартскомъ нарѣчій; имя автора не приведено); 3) Н. Пантусовъ, Алтынъ-Эмельская волость Капальскаго уѣзда; 4) Н. Пантусовъ, Ущелье Теректы и р. Коксу близъ выселка Джангызъ-Агача Капальскаго уѣзда; 5) Н. Джетбыгебаевъ, Слово «мугъ», курганы и каменная баба; 6) *مع دیکان خلق لار خصوصیه* (историческая справка члена клуба Муллы-Аллама); 7) В. Лаврентьевъ, Краткій перечень бугровъ (кургановъ), находящихся въ чертѣ г. Аулие-ата (приложенъ «планъ территоріи г. Аулие-аты съ находящимися на ней курганами»); 8) Кяфиръ-мури (изъ письма М. Ф. Ситняковскаго къ Н. П. Остроумову; приложенъ чертежъ карыза Кяфиръ-мури и пещеры близъ него, въ окрестностяхъ Самарканда); 9) Н. Ситняковскій, Бухарскія святыни (мазаръ Багауддина, съ планомъ); 10) Н. Рудневъ, Слѣды древнихъ городовъ по Сырь-Дарьѣ (перепечатано изъ №№ 15, 16 и 17 Туркест. Вѣдом. за 1900 г.; приложенъ планъ развалинъ Сюткента); 11) Археологическій кружокъ. Сообщеніе Асхабадской администраціи (изъ газеты «Асхабадъ», 1900 г., № 47);